

Научная статья

УДК 78.072.3

DOI: <https://doi.org/10.26176/mosconsv.2023.53.2.05>

Жак Гандшин и первые послевоенные собрания Международного музыковедческого общества. По материалам переписки ученого

Жанна Викторовна Князева

Российский институт истории искусств,
190000 Санкт-Петербург, Исаакиевская пл., 5

jeanna.kniazeva@mail.ru[✉], ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2192-8815>

Аннотация. Статья посвящена эпизоду из истории Международного музыковедческого общества (IMS). Она продолжает исследование эпистолярного наследия российско-швейцарского музыковеда и органиста Жака Гандшина (1886, Москва — 1955, Базель). С 1936 года ученый входил в директорию IMS. В 1948 и 1949 годах в Базеле прошли первые после войны международные собрания музыковедов: конференция директории и IV конгресс IMS. Обстановка в международных музыковедческих кругах была напряженной. Попытка повлиять на нежелательный с его точки зрения ход событий привела Гандшина к конфликту и выходу из директории. Данная статья представляет ряд неизвестных ранее эпистолярных источников. Эти документы позволяют изучить события по впечатлениям их непосредственных участников, различить драматизм происходившего, скрытый от официальных отчетов. Они также показывают, какие возможности восстановления международной научной работы в сложный период истории находили наши коллеги-предшественники, и с какими трудностями они сталкивались.

Ключевые слова: Жак Гандшин, Ижини Англес, Отто Кинкельдей, Карл-Аллан Моберг, Международное музыковедческое общество, директория IMS, история музыковедения, эпистолярные документы

Для цитирования: Князева Ж. В. Жак Гандшин и первые послевоенные собрания Международного музыковедческого общества. По материалам переписки ученого // Научный вестник Московской консерватории. Том 14. Выпуск 2 (июнь 2023). С. 366–385. <https://doi.org/10.26176/mosconsv.2023.53.2.05>.

Research Article

Jacques Handschin and the First Post-War Meetings of the International Musicological Society (Based on the Scholar's Correspondence)

Jeanna V. Kniazeva

Russian Institute for the History of Arts,

5, Isaakiyevskaya Sq., St. Petersburg 190000 Russia

jeanna.kniazeva@mail.ru✉, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2192-8815>

Abstract. This article says about an episode in the history of the International Musicological Society (IMS). It continues my study of the corpus of letters of the Russian-Swiss musicologist and organist Jacques Handschin (1886, Moscow — 1955, Basel). From 1936, he was a member of the IMS Directory. In 1948 and 1949, Basel hosted the first international meetings of musicologists after the war: the Directory Conference and the 4th Congress of the IMS. The atmosphere in international musicological circles was tense. An attempt to influence the undesirable course of events led Handschin to conflict and resignation from the Directory. This article presents some previously unknown epistolary sources. These documents allow to study the events from the immediate experience of their participants. They also show what opportunities our predecessor colleagues found to re-establish international scientific work in a difficult period of history, and what difficulties they faced.

Keywords: Jacques Handschin, Higinì Anglès, Otto Kinkeldey, Carl-Allan Moberg, International Musicological Society, IMS Directorate, history of musicology, epistolary documents

For citation: Kniazeva, Jeanna V. 2023. "Jacques Handschin and the first post-war meetings of the International Musicological Society. (Based on the scholar's correspondence)." *Nauchnyy vestnik Moskovskoy konservatorii / Journal of Moscow Conservatory* 14, no. 2 (June): 366–385. <https://doi.org/10.26176/mosconsv.2023.53.2.05>.

В 2027 году Международное музыковедческое общество (International Musicological Society, IMS) отметит свое 100-летие. Сегодня это крупнейшая международная организация, объединяющая музыковедов всего мира¹. Предлагаемая статья знакомит с материалами лишь одного эпизода ее истории. Они касаются раннего послевоенного периода и позволяют взглянуть на то,

¹ Сайт IMS: <https://www.musicology.org/>. Работа над этой статьей подходила к концу, когда из Швейцарии пришла печальная весть о кончине Доротеи Бауманн (Dorothea Baumann; 1946–2022), нашей дорогой коллеги и друга, генерального секретаря IMS на протяжении более четверти века. Доротею знал, без преувеличения, весь музыковедческий мир. Российское музыковедение обязано ей неустанной поддержкой в IMS, дружескими контактами и заботой. (Кто из нас только не побывал в ее большом гостеприимном доме на берегу Цюрихского озера!) Целый ряд данных, информации и размышлений в предлагаемой статье почерпнуты из разговоров и переписки с Доротеей. Ее последние письма автору этих строк датированы июлем 2022 года. (Тогда и в голову не могло прийти, что они окажутся именно последними...) Пусть эта статья станет скромным вкладом, малой данью памяти и глубочайшей признательности дорогой Доротее Бауманн. (Ее страница *In memoriam* на сайте IMS см.: <https://www.musicology.org/in-memoriam-dorothea-baumann>; 22.03.2023).

как наши коллеги-предшественники взаимодействовали в столь непростое время, какие способы восстановления и сохранения международной научной работы находили. Статья также продолжает ряд публикаций [2–10; 32, 25–32] по изучению эпистолярного наследия выдающегося российско-швейцарского музыковеда и органиста Жака Гандшина (Jacques Handschin; 1886, Москва — 1955, Базель). На этот раз речь идет о заключительном этапе научно-организационной деятельности ученого, истоки которой восходили еще к временам его российской молодости.

Кратко напомним основные события истории Международного музыковедческого общества². Первым международным объединением музыковедов стало Международное музыкальное общество (Internationale Musikgesellschaft), основанное Оскаром Фляйшером в Берлине в 1898 году и распущенное с началом Первой мировой войны³. После окончания войны раздался голоса, призывавшие к возобновлению международного сотрудничества музыковедов. Одним из первых послевоенных международных конгрессов стала встреча в Базеле в 1924 году [13]. Здесь обсуждали в том числе и необходимость учреждения нового международного общества.

IMS было основано весной 1927 года в Вене, в рамках состоявшихся с 26 по 31 марта торжеств по случаю 100-летней годовщины со дня смерти Бетховена. В том же году осенью прошло учредительное собрание. Первым президентом IMS стал Петер Вагнер⁴, а почетным президентом — Гвидо Адлер (который был в центре всей предшествовавшей организационной работы⁵). Штаб-квартиру разместили в нейтральной Швейцарии (в Базеле) и условились, что руководить секретариатом будет также швейцарец. Среди президентов IMS в дальнейшем будут выдающиеся музыковеды XX века: Эдвард Дент⁶, Кнуд Йеппесен⁷, Курт фон Фишер⁸, Людвиг Финшер⁹ и др.¹⁰

² Истории IMS посвящены две работы. В 1977 году, к 50-летию общества вышло эссе Рудольфа Хойслера (тогдашнего генерального секретаря IMS): [22]. В 2017 году, к 90-летию IMS была опубликована коллективная монография: [32]. В настоящее время полный текст этой книги открыт членам IMS для чтения онлайн на сайте: <https://www.musicology.org/ims-history-members-edition>.

³ О ранней истории международных объединений музыковедов, предшествовавших созданию IMS, см.: [27].

⁴ Петер Вагнер (Peter Wagner; 1865–1931) — немецкий и швейцарский музыковед (ученик Г. Якобсталя; специалист в области григорианики), президент IMS в 1927–1931 годах.

⁵ Сегодня именно документы архива Гвидо Адлера (Guido Adler; 1855–1941) позволяют наиболее полно изучить этапы ранней истории IMS: [18].

⁶ Эдвард Дент (Dent; 1876–1957) — музыкальный организатор, музыковед и дирижер из Кембриджа (Великобритания), возглавил IMS в 1931 году после кончины Петера Вагнера и руководил работой в трудный период накануне и в годы Второй мировой войны. Об Эдварде Денте см.: [12; 17].

⁷ Кнуд Йеппесен (Еппесен; Knud Jeppesen; 1892–1974) — датский музыковед и композитор, в 1949–1952 годах президент IMS, с 1931 по 1954 год главный редактор журнала IMS *Acta Musicologica*, оказавший в этой роли большое влияние на развитие современного ему музыкознания. О Йеппесене см.: [23; 24; 11].

⁸ Курт фон Фишер (Kurth von Fischer; 1913–2003) — выдающийся швейцарский музыковед, один из крупнейших исследователей музыкального искусства эпохи Ars Nova. Президент IMS (1967–1972).

⁹ Людвиг Финшер (Ludwig Finscher; 1930–2020) являлся главным редактором и одним из авторов нового издания энциклопедии «Музыка в истории и современности» («Die Musik in Geschichte und Gegenwart», Verlag Bärenreiter & Metzler, 1994–2008). Финшер был президентом IMS с 1977 по 1982 год.

¹⁰ В настоящее время президентом IMS является Кейт Ван Ордэн (Kate Van Orden, Гарвард), а секретарем — Кристина Урчуэгуя (Cristina Urchueguía, Берн). Конгрессы общества проходят

Учредители постановили, что каждые три года будут проводиться конгрессы общества. Первые три конгресса состоялись в Льеже (1930), Кембридже (1933) и Барселоне (1936). Четвертый планировали провести осенью 1939 года в Копенгагене, однако, его пришлось отменить в связи с началом военных действий в Европе. Международный музыковедческий конгресс прошел в сентябре 1939 года в Нью-Йорке. Однако по ряду внутренних причин он не был включен в круг конгрессов IMS [9]. Разразившаяся мировая война прервала череду встреч музыковедов.

События, о которых пойдет речь в предлагаемой статье, касаются первых послевоенных собраний IMS. Эти собрания нашли свое отражение в упомянутой выше работе Хойслера [22]. Однако его эссе основано на официальной документации (отчеты, протоколы заседаний директории), и потому воссозданная им хроника событий выглядит ровной и официально благополучной. В основу данной статьи положены эпистолярные источники — личная переписка Жака Гандшина (члена директории IMS в 1936–1949 годах) с кругом коллег, причастных к деятельности общества: Отто Кинкельдеем¹¹, Ижини Англесом¹², Кнудом Йеппесеном¹³, Карлом-Алланом Мoberгом¹⁴. Эпистолярные материалы открывают исследованию «иную оптику»: ведь письма — созданные в ходе событий и, как правило, не предназначенные для прочтения третьими

каждые пять лет; последний состоялся в августе 2022 года в Афинах. С российской стороны огромные заслуги в деле введения отечественного музыковедения в IMS принадлежат Людмиле Григорьевне Ковнацкой (1941–2023). В 2002 года при поддержке тогдашнего руководства IMS — президента Тильмана Зеебаса (Tilman Seebass) и генерального секретаря Доротеи Бауманн — Л. Г. Ковнацкая обеспечила масштабное представительство российской науки на конгрессе в Бельгии. Ее инициативой и беспрестанными трудами в структуре IMS были основаны «Региональная ассоциация восточнославянских стран» (<https://www.musicology.org/networks/ra/escra>), а также международные исследовательские группы (study groups [SG]) «Шостакович и его эпоха» (<https://www.musicology.org/networks/sg/shostakovich>; руководители О. Г. Дигонская и П. Фэйрклаф) и «Стравинский: между Востоком и Западом» (<https://www.musicology.org/networks/sg/stravinsky>; руководители Н. А. Брагинская и В. Дюфур). Еще одна SG (2018) стала результатом сотрудничества IMS и Российского института истории искусств (Санкт-Петербург), — это группа по истории IMS (<https://www.musicology.org/networks/sg/history-of-the-ims>). В настоящее время она работает под руководством Динко Фабриса (Dinko Fabris; университет Базиликата) и автора этих строк; материалы заседаний публикуются на страницах «Временника Зубовского института» (<https://artcenter.ru/vremennik-zubovskogo-instituta/>) в рубрике «Международное музыковедческое общество. Страницы истории».

¹¹ Отто Кинкельдей (Otto Kinkeldey; 1878–1966) — американский музыковед, один из основоположников американской музыковедческой школы, до 1949 года представитель США в IMS, член директории. О переписке Кинкельдея и Гандшина см.: [2].

¹² Ижини Англес (Higini Anglès; 1888–1969) — испанский (каталонский) музыковед и священник, в 1933–1958 годах вице-президент IMS; см. о нем: [10]. Переписка Англеса с Гандшиным хранится в двух собраниях: архиве Гандшина в Германии (Handshin Nachlass im Institut für Musikforschung der Universität Würzburg; B1/21; далее: HN) и архиве Англеса в Испании (Каталонии) (Biblioteca de Catalunya. Barcelona. Anglès, correspondència; далее: BC).

¹³ О Кнуде Йеппесене см. выше, сн. 7.

¹⁴ Карл-Аллан Мoberг (Moberg; 1896–1978) шведский музыковед, профессор Упсальского университета, в 1933–1952 годах член директории IMS. В молодости Мoberг учился у Жака Гандшина в Базеле и (судя по материалам переписки, хранящейся в архиве Гандшина в Вюрцбурге и архиве Мoberга в Упсале) был, пожалуй, самым любимым учеником, вызывавшим наибольшую степень доверия ученого в кругу всех его корреспондентов. О Мoberге и его отношениях с Гандшиным см.: [5, 68, 72–74].

лицами — позволяют реконструировать недоступные официальным источникам повороты сюжетов, различить турбулентность происходившего и изучить его «вибрации» в личных размышлениях, переживаниях участников, — в данном случае крупных ученых-историков музыки, во многом определивших развитие нашей науки в XX веке.

ЖАК ГАНДШИН И СЕКРЕТАРИАТ IMS

Летом 1949 года в Базеле прошел Четвертый конгресс IMS, первый после окончания войны [25; 28, 333–336]. За год до него, в мае 1948 года, состоялась конференция директории — первая интернациональная встреча музыковедов в послевоенное время; она подготовила конгресс и событийно, и эмоционально.

В этот период международное музыковедение восстанавливало себя — подобно живому организму, оно заживляло раны, затягивало зиявшие пробелы. В письмах ученых 1945–1946 годов мы видим обмен информацией о коллегах: кто выжил, а кого уже нет, кто где (и в какой ситуации) находится. Первая послевоенная встреча IMS многими ожидалась радостно: была очевидна необходимость восстановления всеобщего сотрудничества. Вице-президент IMS Англес писал Гандшину в связи с планируемой конференцией директории:

Йеппесен и я говорили в прошлом году об этом в Барселоне, и оба придерживались мнения, что такая конференция была бы выгодна для музыковедения в Европе. Из Америки можно пригласить представителя, и тогда участвовал бы почти весь мир. Если мы ничего не будем делать, то музыковедение в Европе медленно, но верно погибнет. Хотел бы спросить Вас, как мы сможем все снова начать без этой конференции? Музыковедение может процветать как в Европе, так и в Америке. Места и материала хватит на всех. Это правда, что мы, европейцы обеднели, но все же не будем терять оптимизма¹⁵.

Ясно, что IMS предстоит большая работа. Ведь европейская наука разрушена войной. В Америке же еще с середины 1930-х годов поднимается мощная новая школа, поддержанная (а в немалой степени и инициированная) учеными-эмигрантами из Европы. Европейскому музыкознанию важно выстроить взаимодействие с этой школой (и при этом не оказаться ею поглощенной).

Изучение эпистолярия открывает, однако, внутренние деликатные проблемы в самом IMS. Они касаются его секретариата (который, напомним, был расположен в Базеле). О том, что к его работе есть вопросы, было известно еще до войны. Президент IMS Эдвард Дент писал об этом Паулю Захеру осенью 1936 года (то есть более чем за десять лет до описываемых событий):

¹⁵ «Jeppesen und ich haben voriges Jahr in Barcelona über diesen Punkt gesprochen und wir waren beide der Ansicht, dass eine solche Tagung vorteilhaft sein würde für die Musik Wissenschaft [sic] in Europa. Von Amerika könnte ja ein Vertreter eingeladen werden, dann wäre fast die ganze Welt daran beteiligt. Wenn wir gar nichts tun, dann geht die Musikwissenschaft in Europa langsam, aber sicher zu Grunde. Ich möchte Sie fragen, wie wir dann wieder anfangen könnten ohne diese Tagung? Die Musikwissenschaft kann sowohl in Europa als auch in Amerika weiterblühen. Es gibt Platz und Stoff genug für alle. Es ist wahr, dass wir, Europäer, arm geworden sind, aber trotzdem wollen wir den Optimismus nicht verlieren» (Anglès — Handschin. 13.02.1948 [HN]).

Глубокоуважаемый и дорогой господин Захер,
я очень недоволен ситуацией в IMS и хотел бы услышать Ваше мнение и Ваш добрый совет <...>.

Мериан (тогдашний секретарь IMS. — Ж. К.) никогда не приезжает на конгрессы, и я вообще не знаю, как он относится к делу; иногда кажется, что он полностью утратил к этому интерес, но потом он пишет, что с удовольствием будет и дальше работать секретарем. Полагаю, что местные реалии играют при этом известную роль, но я не базелец и мало знаю об этом. В любом случае я бы хотел рассмотреть всю ситуацию с интернациональной точки зрения.

Согласно нашему уставу центром должен быть Базель, я с этим вполне согласен, пока они там питают интерес к делу <...>¹⁶.

В 1948 году в секретариат IMS входили: генеральный секретарь Вильгельм Мериан¹⁷, казначей Пауль Захер¹⁸ и Жак Гандшин, базельский ординариус (то есть руководитель университетского семинара), ставший на этом посту преемником знаменитого Карла Нефа. Судя по эпистолярным источникам, с работой секретариата были также связаны базельские музыковеды Эрнст Мор¹⁹ (активно проявивший себя именно в годы подготовки Базельского конгресса 1949 года) и молодой Вальтер Неф (Nef, 1910–2006), племянник Карла Нефа, писавший в те годы под руководством Гандшина докторскую диссертацию.

Однако генеральный секретарь Мериан (не слишком активный и прежде, как мы видели из цитированного выше письма Дента) теперь уже тяжело болен, и делает все меньше. Это не способствует интенсивности работы руководимого им секретариата.

Другая особенность ситуации состоит в том, что базельские музыковеды все «дружно» настроены против Гандшина. Между каждым из них и Гандшиным — поле конфликтного напряжения различной степени интенсивности. Ученого держат в стороне от дел: его ни о чем не информируют, не спрашивают, никуда

¹⁶ «Verehrtester und lieber Herr Sacher, ich bin mit der Situation der I[n]ternational] G[esellschaft] für Musikwissenschaft sehr unzufrieden, und möchte gern Ihre Meinung und Ihren guten Rat hören <...>.

Merian kommt nie zu Kongressen, und ich weiss gar nicht wie er zu der Sache steht; einmal scheint er alles Interesse dafür verloren zu haben, dann schreibt er, dass er gern als Sekretär weiter fungieren will. Ich kann mir wohl denken, dass lokale Dinge eine gewisse Rolle spielen, aber ich bin nicht Baseler, und ich weiss nur wenig darüber. Immerhin möchte ich die ganze Sache von einem internationalen Standpunkt betrachten.

Nach unseren Statuten muss die Zentralstelle Basel sein, und damit bin ich gern einverstanden, solange man dort Interesse für die Sache hat» (Dent — Sacher. 17.11.1936. Paul Sacher Stiftung, Базель [PSS]).

¹⁷ Вильгельм Мериан (Merian; 1889–1952), базельский музыковед и классический филолог, ученик Германа Кречмара и Йоханнеса Вольфа (Берлин), Карла Нефа (Базель). Доцент (1930), затем профессор (1935) Базельского университета, специалист по ранней клавишной музыке и музыкальной истории Базеля. Секретарь IMS с 1927 года. О Вильгельме Мериане см.: [31].

¹⁸ Пауль Захер (Sacher; 1906–1999), швейцарский дирижер, музыковед, меценат, один из богатейших людей Швейцарии своего времени. О Захере см.: [6, 165–167].

¹⁹ Эрнст Мор (Mohr, 1902–1985), ученик Карла Нефа, преподавал в Базельской консерватории и Базельском университете. Позже, на протяжении двадцати лет (1952–1972), Мор будет генеральным секретарем IMS. По сообщению Тильмана Зеебаса (президента IMS с 2007 по 2012 год), знакомого с сегодняшними представителями семьи Мор, архив ученого не сохранился. (Эту информацию передала мне Доротея Бауманн в письме от 17.06. 2022 года). Об Эрнсте Море см. публикации: [14; 19].

не приглашают²⁰. О принятых секретариатом решениях он узнает «по факту» (а нередко и постфактум). Однако Гандшин — действующий ординариус и как ученый, без сомнения, самая крупная фигура в Базеле (и далеко не только в нем). Его трудно игнорировать.

Описанное напряжение уже имело к 1948 году свою историю. Оно впервые проявилось, самое позднее, в 1935 году при решении вопроса о наследовании Карлу Нефу. Архивные дела сегодня открыты исследованию, эти документы сохранили подробности дискуссии в университетской избирательной комиссии, на заседаниях 23 и 31 мая 1935 года. Тогда на пост преемника Нефа были выдвинуты две кандидатуры: Жак Гандшин и Вильгельм Мериан.

Для решения вопроса комиссия запросила мнения авторитетных международных экспертов: Андре Пирро (Париж), Эдварда Дента (Кембридж) и Йоханнеса Вольфа (Берлин). Отзывы Пирро и Вольфа прозвучали однозначно в поддержку Гандшина. Вольф даже выразил удивление самой постановкой вопроса:

В поисках преемника моего умершего друга и коллеги Карла Нефа не стоит отправляться в дальние края, поскольку в лице Жака Гандшина Вы имеете представителя музыкознания, лучше которого и пожелать нельзя. Он по полному праву считается одним из лучших исследователей в нашей области. <...> Для любого университета стало бы честью включить в свой состав человека его значимости и всестороннего образования²¹.

Дент (при вероятно уже тогда наметившейся сложности их с Гандшиным отношений [32, 25–32]) высказался неопределенно: он отозвался о Гандшине-ученом с уважением («...полагаю, что доктор Гандшин, как чистый музыковед, стоит несколько выше, чем доктор Мериан <...>»), но назвал его при этом «Stubengelehrter», — «кабинетный исследователь», что для преподавателя университета не слишком лестная характеристика²². А вот базельцы, в лице еще одного музыковеда, Эдгара Рефардта (Refardt; 1877–1968), выступили определенно против назначения Гандшина и сослались при этом на якобы известное им мнение самого Карла Нефа:

По мнению Нефа, профессор Гандшин не вполне подходит для руководства семинаром, поскольку его больше интересуют собственные исследования, а не

²⁰ См. об этом, например, письмо Гандшина Англесу от 10.02.1946 (HN).

²¹ «Bei der Suche nach dem Nachfolger meines verstorbenen Freundes und Kollegen Karl Neff[s] erübrigt es sich in die Ferne zu schweifen, denn Sie haben in Jacques Handschin einen Vertreter der Musikwissenschaft, wie sie ihn sich nicht besser wünschen können. Er gilt mit vollem Recht als einer der allerbesten Forscher auf unserem Gebiete. <...> Eine jede Universität muss es sich zur Ehre anrechnen, einen Mann von seiner Bedeutung und seiner umfassenden Bildung zu den Ihren zu zählen» (Staatsarchiv Basel-Stadt. Sammlung Universität Basel. Akte Nef: Gutachten für Jacques Handschin: Johannes Wolf. Rom, 30.04.1935 [рукописный оригинал]; Staatsarchiv Basel-Stadt. Sammlung Universität Basel. Akte Handschin: Ernennung zum ordentlichen Professor (1935). An die Expertenkommission der Kuratel, 31.05.1935. S. 2–3 [машинописная расшифровка]).

²² «...ich glaube, dass Dr. Handschin als reiner Musikwissenschaftler, etwas höher als Dr. Merian steht<...>» (Staatsarchiv Basel-Stadt. Sammlung Universität Basel. Akte Nef: Gutachten für Jacques Handschin: Edward Dent. Cambridge, 18.04.1935 [машинописный оригинал]; Staatsarchiv Basel-Stadt. Sammlung Universität Basel. Akte Handschin: Ernennung zum ordentlichen Professor (1935). An die Expertenkommission der Kuratel, 31.05.1935. S. 1–2).

обучающиеся у него студенты. Со своей стороны профессор Мериан очень хорошо зарекомендовал себя, именно работая в семинаре²³.

Понимая, однако, что международному авторитету Гандшина трудно что-либо противопоставить и что получить ординариат для Мериана в сложившейся ситуации невозможно, Рефардт предложил разделить обязанности между двумя кандидатами, а от единого ординариата и вовсе отказаться.

Вынесенное экспертной комиссией заключение гласило:

Жак Гандшин сочетает в себе качества артиста-исполнителя (он органист и до 1920 года был профессором Петербургской консерватории) и исследователя, и при этом исследователя с поразительной широтой взглядов. <...> Его публикации, вышедшие в самых разных журналах, сборниках и отчетах конгрессов, производят впечатление актуального, искрометного, иногда почти льющегося через край знания, казалось бы, самых отдаленных материй великих движущих сил истории, культуры и философии <...>.

В[альтер] Мериан — солидный исследователь и знаток музыки, принадлежащий школе Нефа <...>. Как исследователь он, однако, ограничился в целом более узким кругом базельской и швейцарской музыки. По интеллектуальному диапазону он вряд ли может соперничать с Гандшиным²⁴.

В результате Гандшин получил ординариат, — но остался в Базеле чужим. Местные не смогли ни забыть, ни простить ему этой победы.

Разлад между Гандшиным и базельскими музыковедами поддерживался отчасти человеческим фактором: Гандшин всегда был сложен в контакте, с ним было трудно взаимодействовать, договориться. Для него характерно, даже органично переживание собственной инакости, чуждости, «чужестранности». Это соответствовало его самоощущению, сформированному еще в далекие годы юности швейцарца в России — и затем многократно укрепившемуся на Западе, где Гандшин чувствовал себя, скорее, русским в Швейцарии. Сегодня изучена история формирования личности этого ученого, ясен ее генезис [29]. Этот генезис породил характер, нелегкий для сотрудничества. Гандшин нервозен, мнителен, порой выглядит капризным. С годами он стал конфликтен. Коллеги об этом знали, каждый воспринимал особенности характера Гандшина по-своему и соответственно реагировал.

²³ «Das Urteil Nefs war, dass Prof. Handschin für die Leitung des Seminars nicht der geeignete Mann wäre, indem sein Hauptinteresse viel mehr seinen eigenen Studium als den bei ihm lernenden Studenten zugewandt sei. Andernteils habe sich Prof. Merian gerade in der Sphäre des Seminars sehr bewährt» (Staatsarchiv Basel-Stadt. Sammlung Universität Basel. Akte Nef: 2. Sitzung der Expertenkommission für die Nachfolge von Prof. Karl Nef Freitag, den 31.05.1935).

²⁴ «Jacques Handschin vereinigt in sich die Vorzüge des ausübenden Künstlers (er ist Organist und war bis 1920 Professor am Konservatorium in Petersburg) mit denen des Forschers, und zwar eines Forschers von erstaunlicher Weite des Blickes. <...> Seine Publikationen, erschienen in verschiedensten Zeitschriften, Festschriften, Kongressberichten, erwecken den Eindruck eines sich drängenden, sprudelnden, zuweilen fast überbordenden Gewissens von den scheinbar entlegensten Stoffen zu den großen treibenden Kräften in Geschichte, Kultur und Philosophie <...>»

W. Merian ist ein gediegene Forscher und Musikkenner aus der Schule Nefs <...> Als Forscher beschränkte er sich doch im ganzen auf den engeren Kreis baslerischen und schweizerischen Musik. An geistiger Reichweite kann er sich mit Handschin kaum messen. <...>» (Staatsarchiv Basel-Stadt. Sammlung Universität Basel. Akte Handschin: Ernennung zum ordentlichen Professor (1935). An die Expertenkommission der Kuratel, 31.05.1935. S. 3–4).

Однако важнее качества, характеризующие Гандшина-ученого, а именно: он принципиально ориентирован на *интернациональную* науку, как фокусом взгляда, так и масштабом личности исследователя. Ведь он сам — фигура, сложно синтезирующая несколько культур (русскую, немецко-швейцарскую и французскую) [29, 239–244]. Для Базеля же Гандшин в принципе «другой». Он — ученик великих: Макса Регера, Карла Штраубе, Шарля-Мари Видора, а в Базель приехал из далекого Петербурга, то есть из огромной, непонятной, чужой России, и стал здесь тем, кого причисляли к самым влиятельным фигурам мирового музыкознания. Однако подобный масштаб, как и дыхание дальних ветров, были чужды музыковедческому Базелю середины 1930-х годов. Ведь после кончины выдающегося Карла Нефа здешнее исследование сосредоточилось на локальном — и научно, и организационно. Это, кстати, вызывало недовольство у президента IMS Дента еще в 1937 году:

...Самое неприятное это тот факт, что местная секция (базельская. — Ж. К.) вообще не желает иметь ничего общего с международной работой. Секретарь, миссис Харт, очень энергична в делах локальных, но об интернациональных она принципиально не желает заботиться²⁵.

Однако дело не только в интернациональности. Гандшин как мыслитель сложно и очень необычно для своего времени видит мир в его истории и современности: его интересуют многомерные диалоги эпох, он размышляет об относительности локальных убеждений, воздерживается от преждевременного синтеза того, что считает не до конца познанным²⁶. В сочетании с предельно высокими требованиями к научному исследованию (прежде всего, собственному и к работам своих учеников) — позицией, которую Хайди Циммерманн назвала научной элитарностью Гандшина [33, 140], — подобная сложность мысли ученого порождала характерный для него научный идеализм²⁷. Этот идеализм (хотя и казавшийся кое-кому пустым) принес академическому музыкознанию великолепные плоды. А. М. Буссе Бергер убедительно пишет об этом в монографии, посвящая нетипичному для своего времени научному мышлению Гандшина целую главу [15, 31–39].

Однако в текущей организационной работе то же свойство мысли и личности Гандшина создавало немалые сложности. Захер писал Англесу в феврале 1948 г.:

Профессор Гандшин, к сожалению, не очень подходит для организационной работы. В любом случае сотрудничать с ним почти невозможно. Он везде видит сложности и тем самым создает ненужные трудности для себя и других²⁸.

²⁵ «...Das unangenehmste ist die Tatsache, dass die lokale Sektion überhaupt nichts mit der internationalen Arbeit zu tun haben will. Die Sekretärin, Mrs Hart, ist für alle lokale Zwecke ausserordentlich energisch, sie will sich aber um das Internationale prinzipiell nicht kümmern» (Dent — Sacher. 20.03.1937. Архив Scola cantorum Basiliensis [далее: SCB]. Korrespondenz: Edward Dent).

²⁶ О типологии научного мышления Гандшина см.: [30].

²⁷ Швейцарский музыковед, редактор книги о Гандшине в России Мартин Кирнбауэр в ходе дискуссии на международной конференции, посвященной 130-летию рождения Гандшина (РИИИ, 2016) охарактеризовал этот свойственный ученому идеализм словами «наука прежде всего, наука превыше всего». В политических (и военно-политических) условиях эпохи, когда творил Гандшин, такая позиция была отнюдь не банальна.

²⁸ «...Herr Prof. Handschin ist für organisatorische Aufgaben leider nicht sehr geeignet. Auf alle Fälle ist die Zusammenarbeit mit ihm nahezu unmöglich. Er sieht überall Komplikationen und bereitet damit sich und andern unnötige Schwierigkeiten» (Sacher — Anglès. 27.02.1948. [SCB]).

Много позже Захер в своих воспоминаниях (изданных в 1999 году) вернется к этой мысли, сделав, однако, в эти поздние годы уже совсем иной вывод:

Повседневное общение с Гандшиным было действительно непростым. Его интеллектуальная скрупулезность затрудняла решение практических вопросов. По своей природе он был раним и недоверчив. Однако тот, кто справлялся с этим, открывал для себя дух, в высшей степени независимый, встречал мыслителя и исследователя Божьей милостью [16, 22].

Но в 1948 году Захеру до этого вывода еще предстоял долгий путь.

Другим вопросом, усложнявшим ситуацию в руководстве IMS в послевоенный период, был давний конфликт Гандшина с президентом Дентом и его сторонниками, их дискуссия о профессионализме и дилетантах в науке. (Напомню: Гандшин считал позицию Дента в науке дилетантской, а Дент считал Гандшина сухим формалистом. В переписке между собой²⁹ оба старались быть корректными, но совсем иначе отзывались друг о друге в иных корреспонденциях.) Из-за этого конфликта Гандшин не поехал на конгресс 1939 года в Америку: «Там будут только друзья Дента», — писал он Англесу³⁰. За годы войны ничего не изменилось.

Гандшин осознавал отношение к себе со стороны руководства IMS и базельского секретариата. В 1946 году он писал Англесу:

Я вижу по всему, что люди, которые внутренне имеют очень мало общего с целями общества, люди, которые остались в стороне от Барселонского конгресса (1936 года. — Ж. К.) или не были в то время членами директории, имеют в IMS больше прав, чем я. И это меня не удивляет, потому что, утвердив Дента на посту в Барселоне, [тем самым] утвердили режим, клику. Йепесен, у которого хорошее научное имя, полезен для клики, поскольку служит ей. Вывод, к сожалению, таков: мне в ней делать нечего. И поскольку Вы тоже в ней, я думаю, что должен сказать Вам это³¹.

Гандшин размышляет о выходе из директории и в 1946 или 1947 году подает соответствующее прошение. Оно остается без ответа. Гандшин его забирает³².

И тут происходит неожиданное: 27 декабря 1947 года Мериан предлагает Гандшину самому возглавить секретариат:

Глубокоуважаемый господин профессор,
По медицинским показаниям я, к сожалению, вынужден сократить ряд своих задач, и врач полагает, что мое здоровье уже не позволит мне провести предстоящую реорганизацию IGMW [IMS. — Ж. К.]. Поэтому я должен объявить

²⁹ Отдельные документы (восемь писем 1933–1946 годов) из переписки Гандшина и Дента сохранились в архиве последнего в Кембридже (King's College Library. Cambridge: Dent 2/8/1; 4/179).

³⁰ Handschin — Anglès, 30.05.1938 [HN, BC].

³¹ «...Ich sehe aus allem, dass Leute, die innerlich mit den Zielen der Gesellschaft sehr wenig zu tun haben, Leute, die dem Kongress in Barcelona ferngeblieben sind oder damals noch nicht zum Vorstand gehörten, in der „Internationale“ mehr Rechte haben, als ich. Und dies wundert mich nicht; denn indem in Barcelona Dent im Amt bestätigt wurde, wurde ein Regime, wurde eine Clique bestätigt. Jeppesen, der einen guten wissenschaftlichen Namen mitbringt, ist der Clique nützlich, weil er ihr dient. Der Schluss ist leider: dass ich da nichts zu suchen habe. Und da Sie auch darin sind, glaube ich, es Ihnen sagen zu müssen» (Handschin — Anglès, 10.02.1946 [HN]).

³² Handschin — Moberg. August (?) 1947. Stadtarchiv Uppsala. Collection Moberg.

президенту о своей отставке с нового года с поста первого секретаря Международного музыковедческого общества, однако, я не хотел бы делать это, не предложив преемника, и настоящим хочу спросить Вас, не сочли бы Вы возможным, представить себя в качестве такового³³.

Мериану не по силам справиться с задачами, стоящими перед IMS после военных потрясений. Однако и Гандшин — в сложившейся к этому моменту ситуации — не готов взять на себя ответственность за работу секретариата, от которой он прежде был фактически отстранен. Гандшин пишет Мoberгу в феврале 1948 года:

...поскольку Мериан должен по состоянию здоровья уйти с поста секретаря, у него не осталось иного выбора, кроме как попросить меня. По этому случаю я ознакомился с некоторыми материалами к предстоящей встрече (имеется в виду майская конференция директории. — Ж. К.). <...> В любом случае, из переписки я увидел, что по вопросу о встрече и приглашении других коллег от имени директории были приняты решения, о которых я ничего не знал. Я из-за этого не уйду в отставку, но, конечно, не смогу в таких обстоятельствах принять секретариат у Мериана³⁴.

Гандшин отказывается.

КОНФЕРЕНЦИЯ 1948 ГОДА. КОНГРЕСС 1949 ГОДА

Предстоящая в мае конференция директории и, прежде всего, степень легитимности ее решений беспокоят Гандшина. В том же февральском письме 1948 года Мoberгу он продолжает:

У меня вообще есть сомнения по поводу конференции; идут разговоры о пересмотре устава и т. д., но я сомневаюсь, что такая конференция имеет на это право. Также было бы лучше, если бы консультации с иными коллегами, помимо избранных в Барс[елоне], были проведены уже после того, как остальные встретятся здесь, а не собирались бы случайные ответы со всех краев³⁵.

³³ «Sehr geehrter Herr Professor,

Ich sehe mich auf Grund einer ärztlichen Verordnung leider genötigt, verschiedene meiner Aufgaben abzubauen, und der Arzt ist der Ansicht, dass der Neuorganisation der IGMW, die bevorsteht, meine Gesundheit nicht mehr gewachsen ist. Ich muss daher dem Präsidenten für das neue Jahr mein Rücktritt als I. Sekretär der Internationalen Gesellschaft für Musikwissenschaft erklären, möchte das aber nicht tun, ohne ihm einen Nachfolger vorzuschlagen, und frage Sie hiermit an, ob Sie geneigt wären, sich als solcher zur Verfügung zu stellen. <...>» (Merian — Handschin. 27.12.1947. [SCB. Korrespondenz: Nachfolge Merian]).

³⁴ «...da Merian aus Gesund[heit]-Rücks[icht] als Sekretär zurücktr[eten] muss, blieb ihm nichts übrig, als mich zu fragen. Bei der Gelegenheit sah ich einen Teil der Korrespondenz für die bevorstehende Tagung, auch Deine Antwort; es tut mir leid, dass Du Merian geantwortet hast ohne Dich vorher mit mir zu besprechen, denn ich hätte Dir einiges zur Sache sagen können. Jedenfalls sah ich aus der Kor[r]espondenz], dass in Sachen der Tagung und Einladung der anderen Kollegen, Beschlüsse im Namen des Vorstandes gefasst wurden, von denen ich gar nichts wusste. Ich werde deswegen nicht demissionieren, aber selbstverst[ändlich] kann ich unter diesen Umst[änden] Merian das Sekretariat nicht abnehmen» (Handschin — Moberg. Februar 1948 [Stadtarchiv Uppsala. Collection Moberg]).

³⁵ «Ich habe überhaupt Bedenken wegen der Tagung; man spricht von Statutenrevision usw., aber ich zweifle, ob eine solche Tagung das Recht dazu hat. Auch die Beziehung von anderen Kollegen ausser den in Barc[elona] gewählten, hätte besser erst erfolgen müssen, nachdem die anderen hier versammelt waren,

Гандшину не по душе организационная спешка. Не поддаваясь ажиотажу скорейшего возобновления работы (будучи вообще недоверчив к мейнстримам, еще со времен российской юности), он стремится сохранить корректность уставной процедуры: по его убеждению, ее формальная правильность выступает гарантией справедливости и хранит от возможных манипуляций со стороны заинтересованных групп.

15–17 мая 1948 года в Базеле проходит конференция директории IMS, — первая после войны официальная международная встреча музыковедов. И конференция, и последовавший через год конгресс наполнены самыми разнообразными событиями: как организационными, так и просто человеческими, ведь это встречи с коллегами после долгого перерыва. (И встречи эти не обязательно дружественны: мы знаем о сложной обстановке в научных кругах того периода; см.: [28, 333–336]).

На конференции предстояло переизбрать состав директории, поскольку после длительного перерыва с момента последнего конгресса (Барселона, 1936) появились страны с вакантными местами: например, Франция (Андре Пирро умер осенью 1943 года), Германия (Теодора Кроера не стало в январе 1945, а Йоханнеса Вольфа в мае 1947 года), Италия (Фернандо Лиуцци умер осенью 1940 года). Вильгельм Мериан отказался (как мы уже знаем) от места секретаря, а Пауль Захер от места казначея. Вместе с тем, в директорию желали войти новые члены, молодежь, — и их здесь ждали, ведь IMS стремилось к развитию. Сказывался и произошедший еще до войны политический раскол в среде немецких музыковедов — в 1948 году они по-прежнему образовывали две «партии», каждая из которых желала быть представленной в главном международном сообществе музыковедов (и при этом терпеть не могла представителей другой).

В результате напор желающих войти в директорию оказался столь велик, что некоторые страны получили не по одному, как прежде, а по два представителя. Человеческий фактор сыграл при этом свою роль. Англес так описал ситуацию:

Жаль, что Гурлитт был единственным приглашенным немцем. Из-за присутствия Блюме г-н Дент и г-н Веллес неожиданно выбрали в качестве представителя Германии Блюме, а не Гурлитта. Чтобы Гурлитт не воспринял это слишком болезненно, на следующий день постарались принять и его. Тогда Массон поднял вопрос: если у Германии два представителя, то почему бы и Франции [не иметь двух]?³⁶.

Так ряд стран получили по два представителя в директории. (Например, Германия: Фридрих Блюме, Вилибальд Гурлитт; Франция: Поль-Мари Массон, Марк Пиншерль; Англия: Эгон Веллес, Джек Уэструп [Веструп]). Это привело почти к удвоению состава директории — к десяти прежним членам добавлялись

als dass man ganz zufällige Antworten aus allen Ländern sammelte» (Handschin — Moberg. Februar 1948 [Stadtarchiv Uppsala. Collection Moberg]).

³⁶ «Es war schade, dass Gurlitt der einzige eingeladene Deutsche war. Die Anwesenheit Blumes trägt die Schuld daran, dass Mr. Dent und Mr. Wellesz plötzlich Blume und nicht Gurlitt zum Vertreter Deutschlands erwählt haben. Damit Gurlitt die Sache nicht zu übel aufnahm, hat man am nächsten Tag versucht, ihn auch anzunehmen. Da trat nun Masson mit der Frage auf: wenn Deutschland zwei Vertreter hat, warum nicht auch Frankreich?» (Anglès — Handschin. 20.05.1948 [HN]).

девять новых, — что нарушало устав, согласно которому в составе директории должно быть не более пятнадцати человек.

Для Гандшина решения конференции резонировали со столь знакомым ему стилем работы базельского секретариата. Уже 18 мая 1948 года, то есть на следующий день после окончания конференции, он писал Англесу:

Дорогой коллега,
Я был опечален тем, что больше не повидал Вас. Я также опечален конференцией. Сначала принимается какое-либо решение, а потом, без предъявления новых причин, принимается противоположное, просто потому что за кулисами имели место какие-то влияния; это «парламентаризм»!³⁷

Гандшин подозревал действия против себя лично:

Мне также интересно, как получилось, что вчерашняя встреча началась рано утром, тогда как мне сказали прийти только к 10 [часам]? Спрашивается, место ли вообще таким, как я, в парламентах, не слишком ли они глупы для этого³⁸.

Что касается расширения директории, то Гандшин решительно против, считая это решение нелегитимным. Он протестует, не находит поддержки и пишет об этом (в своем стиле): «Я был постоянно в меньшинстве и горжусь этим»³⁹. Англес успокаивает коллегу:

Несмотря ни на что, я был очень рад конференции в Базеле. После стольких лет мы смогли снова встретиться и все обсудить... Вы не должны унывать из-за результата конференции. Я убежден, что на Базельском конгрессе в 1949 году мы добьемся гораздо большего⁴⁰.

Гандшин тоже ждет конгресса, однако не питает иллюзий:

На конгрессе, безусловно, будут интересные доклады. Но я смотрю на IMS с пессимизмом. Незаконно раздутая директория, вероятно, не захочет возвращаться в рамки легитимности, и мне останется только уйти в отставку⁴¹.

³⁷ «Lieber Kollege,

Es war mir betrüblich, Sie nicht mehr gesehen zu haben. Ich bin auch über die Tagung betrübt. Es wird erst etwas beschlossen, und dann, ohne dass neue Gründe vorliegen, das Gegenteil, nur weil hinter den Kulissen Beeinflussungen stattgefunden haben; das ist ‚Parlamentarismus!‘» (Handschin — Anglès. 18.05.1948 [HN]).

³⁸ «Ich frage mich auch, wie es kam, dass gestern früh eine Besprechung schon angefangen hatte, während man mir gesagt hatte, erst um 10 zu kommen? Die Frage ist, ob solche Leute wie ich in Parlamente überhaupt hineingehören, ob sie nicht viel zu dum(m) dazu sind, um hineinzugehören» (Handschin — Anglès. 18.05.1948 [HN]).

³⁹ «Ich war ständig der Minderheit, und ich bin stolz darauf» (Handschin — Moberg 16.09.1948).

⁴⁰ «Ueber die Tagung in Basel habe ich mich trotz allem sehr gefreut. Nach so vielen Jahren konnten wir uns wieder einmal treffen und besprechen. ... Ueber das Resultat der Tagung sollen Sie Sich nicht deprimiert lassen. Ich bin überzeugt, dass wir beim Baseler Kongress in 1949 viel mehr erreichen werden» (Anglès — Handschin. 20.05.1948 [HN]).

⁴¹ «Der Kongress wird sicher interessante Referate bringen. Aber in[bezug] auf die Gesellschaft bin ich pessimistisch. Der illegitim aufgeblähte Vorstand wird warsch[ein]lich nicht in den Rahmen der Legitimität zurück wollen, und da wird mir nur die Demission übrig bleiben» (Handschin — Moberg. [O. D.], 1949 [Uppsala Stadtarchiv. Collection Moberg]).

Проходит год, и конгресс 29 июня — 3 июля 1949 года действительно подтверждает принятое на конференции решение о расширении директории. Гандшин описывает произошедшее по свежим следам — в письме Кинкельдею от 9 июля 1949 года:

Мне особенно хочется связаться с Вами также и по поводу только что завершившегося конгресса. Ведь речь идет о продолжении моего рассказа (моего Planctus [плача]) от прошлого года (это письмо Гандшина не сохранилось. — Ж. К.). Итак, the wrong of 1948 has been perpetuated in 1949⁴². Господа коллеги, которые в 1948 году вошли в директорию столь своеобразным способом, а также те, кто был в ней раньше, подавляющим большинством предложили сами себя к переизбранию по принципу «j'y suis, j'y reste»⁴³. Я выступил против и в то же время заявил, что не позволю избрать себя подобным образом, то есть автоматически уйду в отставку, если предложение будет принято. Предложение было принято 43 голосами против 17. Полагаю, что если бы я действовал очень дипломатично, то смог бы получить большинство; и даже сейчас я мог бы в суде добиться отмены решения как противоречащего уставу, в результате чего директория автоматически вернулась бы к статусу, какой имела на последних законно проведенных выборах. Но в конце концов главным для меня было не разделять более ответственности за это (подчеркнуто в оригинале. — Ж. К.)⁴⁴.

Мы видим, что в своем протесте Гандшин не был одинок: еще семнадцать человек голосовали против решения о расширении директории (пока мне не удалось установить, кто именно это был). Сам же Гандшин, похоже, негодовал долго, и в начале 1950 года Англес пытался умиротворить его в характерной для себя интонации «служителя божьего»:

...Вы не должны больше горевать из-за инцидента в Базеле. Всё закончилось. Приезжайте, пожалуйста, в Рим, и Вы снова будете счастливы. То, что произошло, нельзя изменить. Самое лучшее — молчать об этом и не писать никаких протестов⁴⁵.

В результате событий Гандшин покинул директорию. На следующий конгресс IMS летом 1952 года (в Утрехте) он не поехал и затем писал об этом Кинкельдею:

⁴² «Ошибка 1948 года была закреплена в 1949» (англ.).

⁴³ «я здесь, я остаюсь» (фр.).

⁴⁴ «...Es drängt mich insbesondere auch angesichts des eben abgeschlossenen Kongresses, mit Ihnen in Beziehung zu treten. Es handelt sich ja um die Fortsetzung meines Berichts (meines Planctus [плач, трагп]) vom letzten Jahr. Nun also: the wrong of 1948 has been perpetuated in 1949. Die Herren Kollegen, die auf so eigenartige Weise 1948 ins Direktorium hineingekommen waren, und auch die, die schon vorher drin waren, haben mit grosser Mehrheit sich selbst zur Wiederwahl proponiert nach dem Prinzip „j'y suis, j'y reste“. Ich habe mich dagegen ausgesprochen und gleichzeitig erklärt, dass ich mich in dieser Weise nicht wählen lasse, d.h. im Fall der Annahme jenes Vorschlags automatisch demissioniert habe. Der Vorschlag wurde mit 43 gegen 17 Stimmen angenommen. Ich glaube, dass wenn ich sehr fein diplomatisch vorgegangen wäre, ich die Mehrheit hätte haben können; und ich könnte auch jetzt noch auf gerichtlichem Wege den Beschluss als statutenwidrig aufheben lassen, womit das Direktorium automatisch auf den Bestand zurückgehen würde, die der letzten legal vorgenommenen Wahl. Aber schliesslich war mir die Hauptsache, nicht mehr mit verantwortlich dafür zu sein (Handschin — Kinkeldey. 09.07.1949 [Cornell University. Division of Rare and Manuscript Collections. Otto Kinkeldey papers. Box 3.TN: 83177]).

⁴⁵ «...wegen des Vorfalles in Basel sollen Sie nicht mehr grämen. Alles ist vorbei. Kommen Sie, bitte, nach Rom und Sie werden wieder ganz froh werden. Was geschehen ist, kann nicht geändert werden. Das Beste ist darüber zu schweigen und keine Proteste zu schreiben» (Anglès — Handschin. 08.01.1950 [HN]).

Из Утрехта, куда я решил не ехать (в мои годы нужно экономить силы и средства), я слышал вещи весьма печальные, но, в сущности, вполне в той логике, что взяла свое начало в Базеле 1948 и 1949 годов. «Революция», или «переворот», или «бандитский налет» — назовем это в зависимости от наших предпочтений — «прогрессируют» дальше. Это процесс, идущий под флагом американизма, однако он не связан с настоящей Америкой⁴⁶.

Летом 1955 года, когда состоится следующий конгресс IMS, в Оксфорде, Гандшин будет уже тяжело болен. Его не станет 25 ноября этого года.

Представленные материалы показывают, как летом 1949 года завершились попытки Гандшина повлиять на организационную работу IMS, иссякло само его желание взаимодействовать с обществом. Истоки научно-организационной деятельности ученого лежали еще в России 1919 года, в деятельности Наркомпресса, когда Артур Лурье поручил Гандшину руководство всем ранним советским музыкознанием [29, 186–195]. Теперь же, проследив события в Базеле 1948–49 годов, мы увидели окончание этого направления работы и мысли ученого.

В полемике Гандшина с оппонентами не стоит искать решения по типу «правнеправ». Помянутую выше элитарность его научной мысли и требований было трудно (точнее, невозможно) реализовать в практическом руководстве обществом, работе с людьми. А Гандшин не шел на компромиссы. Здесь интереснее иное. В описанных событиях мы видим очень характерную для этого ученого позицию «русского швейцарца» / «швейцарского русского»: борясь за чистоту формальной легитимности, законности, правильности⁴⁷, он ведь сражается за *справедливость*. Для него эти понятия взаимосвязаны. (Ведь это же несправедливо, что люди сами себя избирают в руководство!) Сергей Прокофьев, вспоминая свои студенческие годы, придирчиво назвал Гандшина «этот швейцарский формалист» [1]. Но Гандшин и сам охотно откликнулся на этот эпитет: «Как формалист, каковым я являюсь...» («Aber als Formalist, der ich bin...»), писал он [21, 160]. Этот «формализм» очень в его стиле: ведь для Гандшина всегда есть вещи поважнее «решения практических вопросов» [16, 22].

По словам Доротей Бауманн⁴⁸, в последние годы жизни ученый вообще не обращал внимания на работу в IMS, прервав с ним все отношения. Этой работой с 1949 года руководили базельские музыковеды, секретари IMS Арнольд Гееринг (1949–1952)⁴⁹

⁴⁶ «From Utrecht where I decided not to go (in my years, one must get economic with forces and means) I heard things very saddening but, in fact, quite in the logic of things like they began to develop at Basle 1948 and 1949. The “revolution”, or the “upheaval”, or the “intrusion of the gang”, we may prefer to call it according to our preferences, has achieved further “progress”. It is a process going under the flag of Amerikanism but being not connected with real Amerika <...>» (Hanschin — Kinkeldey. 13.07.1952. Otto Kinkeldey papers).

⁴⁷ В переписке с Англесом мы видим, как Гандшин, будучи членом директории, бесконечно правил протоколы заседаний, полагая, что реплики, — в том числе его собственные, — отражены в них неправильно, некорректно (см. например письма от 10.06.1936, 29.11.1949, 22.02.1950 [HN]).

⁴⁸ Baumann — Kniazeva. 10.06.2022. Privatarchiv Jeanna Kniazeva.

⁴⁹ Арнольд Гееринг (Geering; 1902–1982) — швейцарский музыковед, ученик Гандшина (под руководством которого в 1947 году защитил докторскую диссертацию). Архив Гееринга, содержащий немало документации по истории IMS, а также переписку с Гандшиным, хранится в Институте музыкознания Университета Берна (Geering Nachlass).

и Эрнст Мор (1952–1972)⁵⁰. Последние пять лет секретарства Мор работал с президентом IMS Куртом фон Фишером⁵¹, учителем Доротеи Бауманн. Она, в свою очередь, заняла пост секретаря IMS в 1992 году и оставалась в этой должности целых 28 лет (1992–2020), а осенью 2018 года стала сооснователем и соруководителем исследовательской группы по истории IMS вместе с автором этих строк. Работа группы позволила открыть и ввести в научный оборот документы, представляемые сейчас вниманию читателя. Так события прошлого непосредственно вливаются в течение и работу наших дней.

Использованная литература

1. *Ахонен А. Н.* Сергей Прокофьев в органном классе Якова Гандшина // *Musicus*. 2007. № 8. С. 39–42.
2. *Князева Ж. В.* «Русский мотив» в переписке Жака Гандшина и Отто Кинкельдей // *Временник Зубовского института*. 2022. Вып. 2 (37). С. 123–130.
3. *Князева Ж. В.* Жак Гандшин в поисках своей науки. Письма Карлу Крумбахеру // *Научный вестник Московской консерватории*. Том 7. Выпуск 1 (март 2016). С. 110–123.
4. *Князева Ж. В.* Жак Гандшин и Макс Регер // *Временник Зубовского Института*. 2018. № 3 (22). С. 23–31.
5. *Князева Ж. В.* К истории нескольких несостоявшихся защит в Базеле. Из переписки Жака Гандшина с Густавом Ризом, Карлом-Алланом Мобергом, Хайнрихом Бесселером // *Научный вестник Московской консерватории*. Том 9. Выпуск 2 (июнь 2018). С. 66–81. <https://doi.org/10.26176/mosconsv.2018.33.2.03>.
6. *Князева Ж. В.* Манфред Букофцер, Пауль Захер и базельский ординариат // *Научный вестник Московской консерватории*. Том 9. Выпуск 4 (декабрь 2019). С. 162–193. <https://doi.org/10.26176/mosconsv.2019.39.4.006>.
7. *Князева Ж. В.* Неизвестное письмо Игоря Стравинского Жаку Гандшину // *Научный вестник Московской консерватории*. Том 8. Выпуск 1 (март 2017). С. 54–65. <https://doi.org/10.26176/mosconsv.2017.28.1.04>.
8. *Князева Ж. В.* Новые документы к истории европейско-американских диалогов послевоенного музыковедения. Лео Шраде, Жак Гандшин, Армен Карапетян // *Новые документы по истории искусствознания: XX век*. Вып. 2: 1940-е — 1960-е годы / ред.-сост. Ж. В. Князева. СПб.: Петрополис, 2018. С. 41–86.
9. *Князева Ж. В.* Новые документы к истории международного музыковедческого конгресса 1939 г. в Нью-Йорке. Из переписки ученых // *Научный вестник Московской консерватории*. Том 9. Выпуск 3 (сентябрь 2018). С. 144–155. <https://doi.org/10.26176/mosconsv.2018.34.3.05>.
10. *Молина Морено Ф., Князева Ж. В.* По страницам западной корреспонденции Жака Гандшина: Ижини Англес // *Временник Зубовского института*. 2019. Вып. 1 (24). С. 39–61.
11. *Хольме Т.* Что же такое корреспонденция? Страницы эпистолярного наследия Кнуда Йеппесена. Тезисы // *Новые документы по истории искусствознания*. Вып. 3:

⁵⁰ Об Эрнсте Море см. выше, сн. 19.

⁵¹ О Курте фон Фишере см. выше, сн. 8.

- Памятники эпистолярного жанра: задачи и перспективы исследования / ред.-сост. Ж. В. Князева. СПб.: Петрополис, 2021. С. 21–29.
12. *Эрпендейл К.* «Новое и скорее пугающее слово ‘музыковедение’». Эдвард Дент и музыкальная политика // Новые документы по истории искусствознания: XX век. Вып. 1: 1920-е — 1930-е годы / ред.-сост. Ж. В. Князева. СПб.: Петрополис: 2017. С. 84–100.
 13. Bericht über den musikwissenschaftlichen Kongress in Basel: veranstaltet anlässlich der Feier des 25 jährigen Bestehens der Ortsgruppe Basel der Neuen Schweizerischen Musikgesellschaft, Basel, vom 26. bis 29. September 1924. Leipzig: Breitkopf & Härtel, 1925. 399 S.
 14. *Blume F.* Ernst Mohr Siebzigjährig. Zum 4. März 1972 // *Acta Musicologica*. Vol. 44. Fasc. 1 (Jan. — Jun., 1972). P. 29–31. <https://www.jstor.org/stable/932232>.
 15. *Busse Berger A. M.* Medieval Music and the Art of Memory. Berkeley, Los Angeles, and London: University of California Press, 2005. XVI, 288 p.
 16. *Erni J.* Paul Sacher: Musiker und Mäzen. Aufzeichnungen und Notizen zu Leben und Werk. Basel: Schwabe, 1999. 215 S.
 17. *Fausser A.* Edward J. Dent // *The History of the IMS (1927–2017)* / ed. by D. Baumann and D. Fabris. Kassel: Bärenreiter, 2017. P. 45–49.
 18. *Fausser A.* Guido Adler and the Founding of the International Musicological Society (IMS): A View from the Archives // *Временник Зубовского института*. 2019. № 4 (27). С. 97–113.
 19. *Fischer K. von.* Zum Tod von Ernst Mohr, Generalsekretär der IGMW von 1952–1972 // *Acta Musicologica*. Vol. 58. Fasc. 2 (Jul. — Dec., 1986). P. 223. <https://www.jstor.org/stable/932814>.
 20. Gedenkschrift Jacques Handschin. Aufsätze und Bibliographie / hrsg. von H. Oesch. Bern und Stuttgart: Paul Haupt, 1957. 397 S.
 21. *Handschin J.* Die religiöse Lyrik des Mittelalters // Gedenkschrift Jacques Handschin: Aufsätze und Bibliographie / hrsg. von H. Oesch. Bern und Stuttgart: Paul Haupt, 1957. S. 150–160.
 22. *Häusler R.* 50 Jahre Internationale Gesellschaft für Musikwissenschaft // *Acta Musicologica*. Vol. 49. Fasc. 1 (Jan. — Jun., 1977). P. 1–27. <https://www.jstor.org/stable/932548>.
 23. *Holme Th.* Knud Jeppesen // *The History of the IMS (1927–2017)* / ed. by D. Baumann and D. Fabris. Kassel: Bärenreiter, 2017. S. 50–57.
 24. *Holme Th.* What is a correspondence, actually? — the different pages of Knud Jeppesen // Новые документы по истории искусствознания. Вып. 3: Памятники эпистолярного жанра: задачи и перспективы исследования / ред.-сост. Ж. В. Князева. СПб.: Петрополис, 2021. С. 30–61.
 25. Internationale Gesellschaft für Musikwissenschaft, 4. Kongress. Basel, 29. Juni — 3. Juli 1949. Kongressbericht. Basel: Bärenreiter, 1951. 235 S.
 26. Jacques Handschin: Über reine Harmonie und temperierte Tonleitern: ausgewählte Schriften / hrsg. und eingeleitet von M. Maier. Schliengen: Argus, 2000. 444 S. (Sonus; Bd. 4).
 27. *Kirnbauer M.* A Prelude to the IMS // *The History of the IMS (1927–2017)* / ed. by D. Baumann and D. Fabris. Kassel: Bärenreiter, 2017. P. 11–20.
 28. *Kirnbauer M., Zimmermann H.* «Wissenschaft in keimfreier Umgebung»? Musikforschung in Basel 1900–1960 // *Musikwissenschaft — eine verspätete Disziplin? Die akademische Musikforschung zwischen Fortschrittsglauben und Modernitätsverweigerung* / hrsg. von A. Gerhard. Stuttgart: J. B. Metzler, 2000. S. 321–346.

29. *Kniazeva J.* Jacques Handschin in Russland: Die neu aufgefundenen Texte / hrsg. vom Musikwissenschaftlichen Institut der Universität Basel. Basel: Schwabe, 2011. 1045 S. (Resonanzen: Basler Publikationen zur älteren und neueren Musik; Bd. 1.)
30. *Maier M.* Einleitung // Jacques Handschin: Über reine Harmonie und temperierte Tonleitern: ausgewählte Schriften / hrsg. und eingeleitet von M. Maier. Schliengen: Argus, 2000. S. 7–43. (Sonus; Bd. 4).
31. *Nef W.* Wilhelm Merian. Zum Gedächtnis // Die Musikforschung. Bd. 6. H. 2 (1953). S. 143–145. <https://www.jstor.org/stable/41113028>.
32. The History of the IMS (1927–2017) / ed. by D. Baumann and D. Fabris. Kassel: Bärenreiter, 2017. 167 p.
33. *Zimmermann H.* Musikwissenschaft unter neutralem Regime. Die Schweizer Situation in den 20er bis 40er Jahren // Musikforschung — Faschismus — Nationalsozialismus. Referate der Tagung Schloss Engers (8.-11. März 2000) / hrsg. von I. von Foerster, Ch. Hust, Ch.-H. Mahling. 2. unveränderte Auflage. Mainz: Are Musik, 2004. S. 121–141.

Получено: 12 декабря 2022 года

Принято к публикации: 25 марта 2023 года

Об авторе:

Жанна Викторовна Князева — доктор искусствоведения, ведущий научный сотрудник сектора музыки Российского института истории искусств

References

1. Ahonen, Aleksandra N. 2007. “Sergey Prokof’ev v organnom klasse Yakova Gandshina [Sergei Prokofiev in the Organ Class of Jacques Handschin].” *Musicus*, no. 8, 39–42. (In Russian).
2. Kniazeva, Jeanna V. 2022. “‘Russkiy motiv’ v perepiske Zhaka Gandshina i Otto Kinkel’dey [‘Russian Motive’ in the Correspondence between Jacques Handschin and Otto Kinkeldey].” *Vremennik Zubovskogo Instituta*, no. 37, 123–30. (In Russian).
3. Kniazeva, Jeanna V. 2016. “Jacques Handschin in Search of his Science. Letters to Karl Krumbacher.” *Nauchnyy vestnik Moskovskoy konservatorii / Journal of Moscow Conservatory* 7, no. 1 (March): 110–23. (In Russian).
4. Kniazeva, Jeanna V. 2018. “Zhak Gandshin i Maks Reger [Jacques Handschin and Max Reger].” *Vremennik Zubovskogo Instituta*, no. 22, 23–31. (In Russian).
5. Kniazeva, Jeanna V. 2018. “Exams in Basel. Jacques Handschin’s Correspondence with Gustav Reese, Karl-Allan Moberg and Heinrich Bessler.” *Nauchnyy vestnik Moskovskoy konservatorii / Journal of Moscow Conservatory* 9, no. 2 (June): 66–81. (In Russian). <https://doi.org/10.26176/mosconsv.2018.33.2.03>.
6. Kniazeva, Jeanna V. 2019. “Manfred Bukofzer, Paul Sacher and the Basel Ordinariat.” *Nauchnyy vestnik Moskovskoy konservatorii / Journal of Moscow Conservatory* 10, no. 4 (December): 162–93. (In Russian). <https://doi.org/10.26176/mosconsv.2019.39.4.006>.
7. Kniazeva, Jeanna V. 2017. “Unknown Letter from Igor Stravinsky to Jacques Handschin.” *Nauchnyy vestnik Moskovskoy konservatorii / Journal of Moscow Conservatory* 8, no. 1 (March): 54–65. (In Russian). <https://doi.org/10.26176/mosconsv.2017.28.1.04>.

8. Kniazeva, Jeanna V. 2018. “Novye dokumenty k istorii evropeysko-amerikanskikh dialogov poslevoennogo muzykovedeniya. Leo Shrade, Zhak Gandshin, Armen Karapetyan [New Documents on the History of European-American Dialogues in Post-War Musicology. Leo Schrade, Jacques Handschin, Armen Carapetyan].” In *New Documents on the History of Art History*, vol. 2: *From 1940s to 1960s*, compiled and edited by Jeanna V. Kniazeva, 41–86. Saint-Petersburg: Petropolis. (In Russian).
9. Kniazeva, Jeanna V. 2018. “The International Congress of Musicology in New York (1939). Documents from the Correspondence of Organizers and Scholars.” *Nauchnyy vestnik Moskovskoy konservatorii / Journal of Moscow Conservatory* 9, no. 3 (September): 144–55. (In Russian). <https://doi.org/10.26176/mosconsv.2018.34.3.05>.
10. Molina Moreno, Francisco, and Jeanna V. Kniazeva. 2019. “Po stranitsam zapadnoy korrespondentsii Zhaka Gandshina: Izhini Angles [Through the Pages of the Western Correspondence of Jacques Handschin: Higinii Anglès].” *Vremennik Zubovskogo Instituta*, no. 24, 39–61. (In Russian).
11. Holme, Thomas. 2021. “What is a Correspondence, Actually? — The Different Pages of Knud Jeppesen. Thesis.” In *New Documents on the History of Art History*, vol. 3: *Epistolary Documents: Current Research and Perspectives*, compiled and edited by Jeanna V. Kniazeva, 21–29. Saint-Petersburg: Petropolis. (In Russian).
12. Arrandale, Karen. 2017. “‘Novoe i skoree pugayushchee slovo muzykovedenie.’ Edvard Dent i muzykal’naya politika [‘The New and Rather Frightening Word *Musicology*.’ Edward Dent and Music Politics].” In *New Documents on the History of Art History*, vol. 1: *1920s and 1930s*, compiled and edited by Jeanna V. Kniazeva, 84–100. Saint-Petersburg: Petropolis. (In Russian).
13. *Bericht über den musikwissenschaftlichen Kongress in Basel: veranstaltet anlässlich der Feier des 25 jährigen Bestehens der Ortsgruppe Basel der Neuen Schweizerischen Musikgesellschaft, Basel, vom 26. bis 29. September 1924.* 1925. Leipzig: Breitkopf & Härtel.
14. Blume, Friedrich. 1972. “Ernst Mohr Siebzigjährig. Zum 4. März 1972.” *Acta Musicologica* 44, no. 1 (January — June): 29–31. <https://www.jstor.org/stable/932232>.
15. Busse Berger, Anna Maria. 2005. *Medieval Music and the Art of Memory*. Berkeley, Los Angeles, and London: University of California Press.
16. Erni, Jürg. 1999. *Paul Sacher: Musiker und Mäzen. Aufzeichnungen und Notizen zu Leben und Werk*. Basel: Schwabe.
17. Fauser, Annegret. “Edward J. Dent.” 2017. In *The History of the IMS (1927–2017)*, edited by Dorothea Baumann and Dinko Fabris, 45–49. Kassel: Bärenreiter.
18. Fauser, Annegret. 2019. “Guido Adler and the Founding of the International Musicological Society (IMS): A View from the Archives.” *Vremennik Zubovskogo Instituta*, no. 27, 97–113.
19. Fischer, Kurt von. 1986. “Zum Tod von Ernst Mohr, Generalsekretär der IGMW von 1952–1972.” *Acta Musicologica* 58, no. 2 (July — December): 223. <https://www.jstor.org/stable/932814>.
20. Oesch, Hans, ed. 1957. *Gedenkschrift Jacques Handschin. Aufsätze und Bibliographie*. Bern and Stuttgart: Paul Haupt.
21. Handschin, Jacques. 1957. “Die religiöse Lyrik des Mittelalters.” In *Gedenkschrift Jacques Handschin: Aufsätze und Bibliographie*, edited by Hans Oesch, 150–60. Bern and Stuttgart: Paul Haupt.

22. Häusler, Rudolf. 1977. "50 Jahre Internationale Gesellschaft für Musikwissenschaft." *Acta Musicologica* 49, no. 1 (January — June): 1–27. <https://www.jstor.org/stable/932548>.
23. Holme, Thomas. 2017. "Knud Jeppesen." In *The History of the IMS (1927–2017)*, edited by Dorothea Baumann and Dinko Fabris, 50–57. Kassel: Bärenreiter.
24. Holme, Thomas. 2021. "What is a Correspondence, Actually? — The Different Pages of Knud Jeppesen." In *New Documents on the History of Art History*, vol. 3: *Epistolary Documents: Current Research and Perspectives*, 30–61. Saint-Petersburg: Petropolis.
25. *Internationale Gesellschaft für Musikwissenschaft, 4. Kongress. Basel, 29. Juni — 3. Juli 1949. Kongressbericht*. 1951. Basel: Bärenreiter.
26. Maier, Michael, ed. 2000. *Jacques Handschin: Über reine Harmonie und temperierte Tonleitern: ausgewählte Schriften*. Sonus, vol. 4. Schliengen: Argus.
27. Kirnbauer, Martin. 2017. "A Prelude to the IMS." *The History of the IMS (1927–2017)*, edited by Dorothea Baumann and Dinko Fabris, 11–20. Kassel: Bärenreiter.
28. Kirnbauer, Martin, and Heidy Zimmermann. 2000. "'Wissenschaft in keimfreier Umgebung'? Musikforschung in Basel 1900–1960." In *Musikwissenschaft — eine verspätete Disziplin? Die akademische Musikforschung zwischen Fortschrittsglauben und Modernitätsverweigerung*, edited by Anselm Gerhard, 321–46. Stuttgart: J. B. Metzler.
29. Kniazeva, Jeanna V. 2011. *Jacques Handschin in Russland: Die neu aufgefundenen Texte*. Resonanzen: Basler Publikationen zur älteren und neueren Musik, vol. 1. Basel: Schwabe.
30. Maier, Michael. 2000. "Einleitung." *Jacques Handschin: Über reine Harmonie und temperierte Tonleitern: ausgewählte Schriften*, edited by Michael Maier, 7–43. Sonus, vol. 4. Schliengen: Argus.
31. Nef, Walter. 1953. "Wilhelm Merian. Zum Gedächtnis." *Die Musikforschung* 6, no. 2: 143–45. <https://www.jstor.org/stable/41113028>.
32. Baumann, Dorothea, and Dinko Fabris, eds. 2017. *The History of the IMS (1927–2017)*. Kassel: Bärenreiter.
33. Zimmermann, Heidy. 2004. "Musikwissenschaft unter neutralem Regime. Die Schweizer Situation in den 20er bis 40er Jahren." In *Musikforschung — Faschismus — Nationalsozialismus. Referate der Tagung Schloss Engers (8.-11. März 2000)*, 2nd edition, edited by Isolde von Foerster, Christoph Hust, Christoph-Hellmut Mahling, 121–41. Mainz: Are Musik.

Received: December 12, 2022

Accepted: March 25, 2023

Author's information:

Jeanna V. Kniazeva — Doctor of Fine Arts, Senior Researcher at the Music Department, Russian Institute for the History of Arts